

К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола

В своем капитальном труде «Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе»¹ акад. В. М. Истрин между прочим собрал богатый материал для решения вопроса о происхождении того славянского перевода Хроники Георгия Амартола, который сохранился в русских списках, и привел ряд убедительных доказательств в пользу того, что этот перевод был сделан на Руси в XI в. Однако некоторые из доводов акад. Истрина, на мой взгляд, нуждаются в пересмотре. Рассмотрю все его доводы в том порядке, как они изложены в исследовании².

Рассматривая фонетические и морфологические особенности русских списков Хроники, акад. Истрин обращает внимание на последовательное употребление в древнейшем списке Хроники — Троицком XIII в. — написаний с *ж* вм. старославянского *жд*: **вѣжь**, **всоуженикъмь**, **оутвержати сж** и т. п. и последовательное же написание слова **лодига** (последнее не только в Троицком, но и в поздних списках) через **о** и замечает: «Такое последовательное употребление двух русизмов ... наводит на вопрос: что более правдоподобно — приписывать ли эти русизмы первооригиналу или позднейшим переписчикам? Конечно, правдоподобнее будет первое предположение, так как в позднейшей

---

¹ Точное заглавие: *В. М. Истрин. Книгъи временигыта и образныгыта Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Том I: Текст. Петроград, 1920; XVIII + 612 + 111 стр. (Предисловие, русский текст, указатель собственных имен, поправки.) Том II: а) Греческий текст «Продолжения Амартола», б) Исследование. Петроград, 1922; XXXI + 454 стр. (введение, греч. текст «Продолжения Амартола», греч. отрывки из истории императоров, славянские тексты выдержек из Амартола в Архивском Хронографе, Еллинском летописце и хронографической Палее, исследование — 117—434 стр., указатель.) Изд. Отд. Р. яз. и слов. Росс. Акад. Н.*

² Т. II, стр. 268—309.

переделке всюду *жд* на *ж* и *ла* в *ло* ни для одного переписчика не было никакой нужды»³. Но последовательное употребление *ж* вместо *жд* в соответствии с русским *ж* — особенность русского правописания XI—XIV вв., свойственная не только русским переводам, но и русским спискам южнославянских памятников⁴, и, следовательно, ничего не доказывает, кроме того, что Троицкий список русский. Что касается *ло* в слове *лодита*, то такое написание не требовалось русским правописанием XI—XIV вв.⁵, а потому последовательное *ло* в этом слове, как и в слове *локоть*, можно бы возводить к первоначальному чтению перевода, если бы нам не были известны русские списки XI и XII вв. с памятников, несомненно, ю.-сл. происхождения, в которых как раз эти слова пишутся с начальным *ло*: Изборн. 1073 г., 1-й почерк Арханг. ев., Гал. ев. 1144 г. и др.⁶ В то же время сама по себе эта черта может приниматься во внимание только при наличии других несомненных русизмов. Ср. Супрасльскую рукопись, памятник безусловно южнославянский⁷, в которой, однако, встречается та же черта.

---

³ Стр. 275, примеч.

⁴ См. мою статью: «К вопросу о языке Киевских листков» [Дурново, 1922—1923; наст. изд., с. 341—349].

⁵ В русских списках южнославянских памятников в этих словах обычно пишется *ла*.

⁶ См. JФ. IV. 78, 82, 84 [Дурново, IV—VI; наст. изд., с. 398, 401, 404].

⁷ Проф. Вондрак, основываясь, главным образом, на некоторых лексических особенностях Супрасльской рукописи, предполагает, что на ней отразилось южнорусское влияние. Действительно, в ней мы находим ряд слов, известных помимо нее только из памятников русского происхождения. Но таких слов в общем немного, и совпадение с русскими памятниками может объясняться содержанием Супрасльской рукописи, отличным от содержания других южнославянских памятников и требовавшим таких слов, которых не требовало содержание тех памятников, а также тем обстоятельством, что статьи Супр. рукописи переведены хотя и на славянском юге, но не там, где сделаны остальные южнославянские переводы. Насколько поспешно было бы заключение о русском влиянии на Супр. на основании присутствия немногих слов, общих с русскими памятниками, показывает хотя бы такое слово, как *прѣгыни* или *прѣгыниа*, встречающееся кроме Супр. только в русских памятниках, между прочим в повести об Акире, а также в том переводе Хроники Амартола, который акад. Истрин считает русским, и в житии монаха Власия, известном пока только в одном русском списке и переведенном, может быть, тоже на Руси. Форма *перегнини* или *перегнина* (не «перегина», как у Истрина на стр. 276) в Хронике Георгия Амартола показывает, что это слово не-

Скорее, чем употребление **ж** вместо **жд**, могло бы указывать на русское происхождение перевода употребление **ѣ** в соответствии с русским **ч** вместо старославянского **шт**. Но акад. Истрин на этом употреблении не останавливается, ограничиваясь словами: «Последнее (т. е. употребление **ѣ** вм. **щ**), впрочем, не так последовательно» (стр. 274). Эта черта, вызванная русским произношением, свойственна только русским рукописям, но не является чертой древнего русского правописания, т. е. старославянского **шт** в русском правописании XI—XV вв. передается через **щ**, а не **ѣ**, и **ѣ** в этом значении встречается в русских списках южнославянских памятников лишь как ошибка, в единичных примерах⁸. В русских переводах и оригинальных произведениях того же времени правописание то же, но в тех случаях, когда переводчик или автор не знал южнославянской параллели с *шт* к своему русскому слову с **ч**, можно ждать в памятнике последовательного написания этого слова с буквой **ѣ**. Наличие даже небольшого количества таких слов была бы очень показательна в пользу русского происхождения перевода. Это обстоятельство побудило меня бегло просмотреть ту часть Хроники, которая напечатана акад. Истриным по Троицкому списку. Изложу здесь результаты этого просмотра⁹. Через **ѣ** постоянно

когда было известно в русском языке (в XV в., как показывают все русские списки повести об Акире, это слово русским переписчикам было непонятно). В то же время написание **прѣгыни**, **прѣгыньнь** в таких памятниках, как повесть об Акире и житие Власия, показывают, что это слово было известно русским и в южнославянской огласовке, т. е. из южнославянских памятников, куда это слово не могло проникнуть из русского яз., потому что иначе оно и в югославянских памятниках являлось бы в русском звуковом виде. В настоящее время слово **прѣгыни** (-**ни**) сохранилось только в польском яз., и то только как собственное имя, в названиях местностей и гербов, в виде *przeginia* или *przegonia*. Первоначальное значение выясняется из Супр., где **въ прѣгынахъ и непроходимыиъ горахъ** соответствует греч. ἐν ἀγρίοις καὶ ἀνυπερβάτοις ὄρεσι, и повести об Акире, где **прегыни** соответствует тому слову сирийского текста, которое у Григорьева (Повесть об Акире) переводится «лесистая гора». Таким образом, это слово обозначает какую-то принадлежность горной местности (обрыв? ущелье?). Этимологически слово **прѣгыни** или происходит от готского *fairgūni*, или — общеславянское образование, из **per-gyb-ŋa*. См. Krynŋski. Pr. Fil. VII. 1909 [Крыньский, 1909], Durnovo, ib. X. 1924 [Дурново, 1926а].

⁸ См. назв. выше мою статью «К вопросу» и пр.

⁹ Так как просмотр был беглый, то не ручаюсь за то, что я не пропустил к.-н. случаев с написанием **ѣ** вм. **щ**.

пишется слово **ѹюжь** и сложные с ним (я насчитал не меньше 20 случаев), и только 2 раза мне встретилось **ѿюжихъ**, **ѿюжи**. Но в этом слове **ѹ** пишется часто и в русских списках старославянских памятников¹⁰. Остальные случаи написания **ѹ** вместо **ѿ** единичны: **наплеуницу** 43, **плеуистъ** 125₅, **желуеник**, **ропующемъ** 110₁₁, **растопующе** 265₂₄, **тѣпуюемъ** 268₄, **стрѣчи** 128₂, **посѣчи** 381₁, и, может быть, **преуаташе сѧ** 325₃₀, если эта форма = старослав. **прѣштгааше сѧ**¹¹, и **меуаху сѧ** 371₁₄, если это не описка вместо **влеуаху сѧ**¹². Часть этих слов: **наплеуницу**, **плеуистъ**, **желуеник** в старославянских памятниках не встречаются и потому могли бы быть отнесены на долю русского переводчика, но могли явиться в таком виде и под пером русского переписчика, если в его оригинале в этих словах стояло **ѿ**. Можно заметить, что слово **плеци** в Троицком списке пишется всегда с **ѿ**. Церковнославянские параллели к **растопующе**, **тѣпуюемъ** могли быть тоже неизвестны переводчику как очень редкие в церковнославянских памятниках, употребительных тогда на Руси. Но если в первоначальном тексте перевода в этих словах стояло **ѿ**, то оно тоже легко могло быть заменено переписчиком через **ѹ**, потому что произношение их через **щ**, неизвестное русскому языку в таком положении (после *n*), могло представлять для писца затруднение; поэтому он мог произносить эти слова по-русски. Что касается инфинитивов на *-чи*, то они не говорят ни за, ни против русского переводчика: писцу Троицкого списка инфинитивы на *-щи* были хорошо известны (ср. написания **реци**, **моци** и др.). Таким образом, употребление **ѹ** вместо **ѿ** в Троицком списке не дает определенных указаний на национальность переводчика. Можно только заметить, что против русского происхождения перевода не говорят и случаи написания **ѿ** в соответствии со старославянским **шт**, русским *ч*, так как все случаи такого написания, как я мог заметить, встречаются в общеизвестных русским грамотным людям XI—XIII вв. словах и формах, как, например,

¹⁰ Так, в Архангельском ев. **ѹюжемь** 163 об., **ѹюжихъ** 153 об.; случаев с **ѿ** или **т** нет. Ср. также Изб. 1073 г. (1-й почерк), 13 слов Григ. Богосл. XI в., Кир. Иер. XI в., Минеи 1096 и 1097 гг., Мстисл. ев. до 1117 г., Гал. ев. 1114 г., нерусские статьи Усп. Сб. XII в. и др. См. **ЖФ**. IV. 78—87 [Дурново, IV—VI].

¹¹ По-русски мы ждали бы **прѣтяше** (глагол церковнославянский).

¹² Сравни аналогичные случаи в памятниках XI и XII вв. ю.-сл. происхождения — Словах Григ. Богосл., Кир. Иерус., 1-м и 2-м почерках Арханг. ев., Минеях 1096 и 1097 гг., Мстисл. ев., Гал. ев. 1144 г. и др. См. **ЖФ**. VI. 78—87 [Дурново, IV—VI].

аще, хоцещи, рещи, мощи, свѣща, ттысаща, ноць, печь, обрацеть, отвѣща, дщерь, причастия наст. врем. и т. п.

На одной фонетической черте Хроники акад. Истрин останавливается дольше. Это — полногласие¹³. Сначала он говорит, что «полногласные формы сами по себе ничего не могут говорить в пользу того или другого происхождения памятника»; самое большее, «если полногласные формы встречаются в одних и тех же словах во всех списках», они могут говорить за то, «что та редакция, от которой пошли наличные списки, была редакцией русской»¹⁴. В то же время «употребление церковнославянских сочетаний *ра, ла* и т. п. нисколько не говорит само по себе о южнославянском происхождении памятника», так как церковнославянские слова с такими сочетаниями могли быть хорошо известны и русскому переводчику¹⁵. Тем не менее он выписывает все слова с полногласием, встречающиеся в Хронике, и пытается решить, принадлежат ли они переводчику или позднейшим переписчикам. Для этого он делит эти слова на 3 категории: 1) слова, являющиеся в полногласной форме в одних и тех же местах Хроники в Троицком и позднейших списках, 2) слова, являющиеся в полногласной форме только в позднейших списках, а в Троицком в тех же местах представляющие формы старославянские, 3) слова, являющиеся в полногласной форме в позднейших списках и отсутствующие в Троицком¹⁶. Слова 2-й категории, по его мнению, в общем оригинале всех списков были в неполногласной форме, из слов 3-й категории часть могла быть в неполногласной форме, но большая часть, вероятно, являлась с полногласием¹⁷. Из тех слов, которые можно возводить к протографу всех списков, по крайней мере, часть, например, такие, как **ожереліе, холопъ, поромъ, городьць, перевозъ, король, городъ, мороморанъ, волоучи**, можно считать принадлежащими переводчику и таким образом указывающими на то, что переводчик был русский¹⁸.

¹³ Стр. 275—278.

¹⁴ Стр. 275.

¹⁵ Стр. 276.

¹⁶ Стр. 276—277.

¹⁷ Стр. 277. Акад. Истрин исходит из того факта, что в той части поздних списков, какая имеется в Троицком, большая часть полногласных форм (16) является и в Троицком и лишь меньшая (9) не находит себе соответствия в Троицком списке.

¹⁸ Стр. 277—278.

К этим осторожным и основательным соображениям акад. Истрина добавлю некоторые замечания. Полногласие не принадлежит к числу русизмов, узаконенных древнерусским правописанием. Поэтому в русских списках южнославянских памятников слова с полногласием могут являться лишь в единичных случаях; в русских же переводах и оригинальных памятниках употребление полногласных форм зависит от знакомства переводчика или автора с соответствующими словами литературного церковнославянского языка. При отсутствии такого знакомства ни переводчик, ни писец не могли образовать церковнославянские неполногласные формы от своих ц.-сл. слов с полногласием. Поэтому, например, русский переводчик церковного устава¹⁹ употребляет слова **паволока**, **сторона**, **переходить**, потому что не знает церковнославянской параллели слову *паволока*, а с церковнославянскими словами **страна**, **прѣходити** привык соединять несколько иные значения, но в других словах обычно выдерживает последовательно церковнославянское правописание с неполногласными сочетаниями. От переводчика Хроники Георгия Амартола, если он был русский, мы должны ждать того же: те слова, церковнославянское произношение которых переводчик знал, он скорее всего должен был употреблять в неполногласной форме, а те, которых он по-церковнославянски не знал,— в полногласной. Позднейшие переписчики в том случае, если они плохо знали церковнославянский язык, могли в единичных случаях слова с неполногласными сочетаниями первоначального перевода заменять по невниманию словами с полногласными сочетаниями²⁰; переписчики, более знакомые с церковнославянским языком, могли заменять более или менее последовательно встретившиеся им русские слова с полногласием церковнославянскими словами без полногласия. Можно думать, что если непосредственное, живое знакомство с болгарским языком в русском обществе с течением времени уменьшалось, то знание книжного языка, наоборот, должно было увеличиваться. Потому я думаю, что там, где чтению **полони** Троицкого

¹⁹ Рукописи Моск. Типогр. б-ки № 142 и Патр. Б-ки № 330; перевод сделан в XI в. См. ЈФ. IV. 82 и 85 [Дурново, IV—VI; наст. изд., с. 401, 404].

²⁰ Ср. слова с полногласием в Изборнике 1073 г., Архангельском ев., Минеях 1095, 1096 и 1097 гг., Гал. ев. 1144 г., житии Мефодия в Усп. Сб. XII в. и др. См. ЈФ. IV. 78—87 [Дурново, IV—VI]. В Остромировом ев. в самом евангельском тексте полногласные формы не встречаются ни разу.

списка XIII в. в позднейших соответствует **плѣни** (2 раза), более первоначально первое из них, а не второе, как думает акад. Истрин²¹. Слова **плѣнъ**, **плѣнити** были такими обычными словами литературного языка, что мало вероятно, чтобы переписчики разных списков в XIII в. и позднее так часто (в Троицком списке 5 раз, в поздних 6 раз, из них 3 раза общих для всех списков и 3 раза — в части, не сохранившейся в Троицком) заменяли это обычное слово своим русским. Скорее наоборот, переписчик Троицкого списка исправил два раза **полони** на **плѣни**; то же можно думать и о слове **половты** поздних списков, замененном в Троицком словом **плѣвты**²². Относительно большинства слов, являющихся в списках Хроники в полногласном виде, трудно сделать определенное заключение ввиду их единичности. Впрочем, можно заметить, что значительная часть их (**своробъ**, **порозъ**, **перегини**, **ожерелне**, **хоромъ**, **перевозъ**) в неполногласном виде не встречается и принадлежит к словам, не употребительным в известных на Руси в XI—XII вв. литературных памятниках южнославянского происхождения; наоборот, слова, встречающиеся в неполногласной форме (а таких огромное большинство), последовательно пишутся в таком виде, за немногими исключениями (**врани** и **ворони**, **мраморанъ** и **мороморанъ**, **плѣни** и **полони**, **плѣвты** и **половты**, **градъць** и **городъць**, **волоучити** и **възвлаучати**, **поплашатиса** и **пополошивъса**, **брегъ** и **берегъ**), и почти все, или по крайней мере их основы, принадлежат к словам (или основам), обычным в известных на Руси литературных памятниках южнославянского происхождения. Но есть два-три слова в неполногласной форме, очень редкие в подобных памятниках; сюда принадлежат **блатънъ** и **напрашити**. Это обстоятельство делает весьма вероятным, но не обязательным заключение, что так было уже в первоначальном тексте перевода, что слова в полногласной форме принадлежат русскому переводчику и что ему же может принадлежать употребление большинства слов в неполногласной форме.

Следующей чертой, указывающей на русское происхождение перевода Хроники, акад. Истрин считает приставку *вы-* в ряде глагольных

²¹ Стр. 277.

²² Но более ранние переписчики, XI и XII вв., могли заменить ст.-сл. **плѣни**, **плѣвты** русскими **полони**, **половты**. Ср. Изб. 1073 г., где часто **полонъ** и т. д., и Гал. ев. 1144 г., где последовательно **половты** и т. д. вм. **плѣвты** других списков Еванг. См. JФ. IV. 78 и 84 [Дурново, IV—VI; наст. изд., с. 397, 403].

слов²³. Несомненно, эта приставка была уже в первоначальном тексте перевода, и употребление слов с этой приставкой принадлежит переводчику. Но ввиду наличия слов с приставкой *вы-* в Синайской Псалтыри, Клоцевом сборнике и др., на что ссылается и сам акад. Истрин, рассматривать эту черту как безусловное указание на русского переводчика я бы не решился; показательное значение она приобретает лишь в связи с другими русизмами.

Далее акад. Истрин ссылается как на русизм на передачу греческого $\mu\beta$ в переводе Хроники через **мб**²⁴, замечая, что «такая передача ... встречается не всегда и до сих пор не объяснена удовлетворительно»²⁵, и устанавливая такое правило: «в памятниках русского происхождения *мв* = $\mu\beta$ будет объясняться влиянием церковнославянского, а употребление в памятнике **мб** будет служить одним из доказательств его русского происхождения»²⁶. Действительно, такая передача встречается в ряде переводов, русское происхождение которых можно считать доказанным²⁷, а также в оригинальных русских произведениях²⁸, и не встречается в ряде памятников южнославянского происхождения. Но нельзя сказать, чтобы южнославянские переводчики и писатели вовсе не прибегали к такой передаче. Ср. в Супрасльской рукописи²⁹: **амбакоумъ** (*bis*), **висамбонъ** (149), в Болонской Псалтири: **въ кумвалѣхъ** (пс. 150 *bis*), **кумвалъ** (толк. к пс. 150), **тумбанъ** (*τύμτανου*, пс. 80), в Погодинской Псалтири (южнослав. XII в.): **амбакоума**, в Шишатовском апостоле 1324 г.: **Амбросин**, **коумвалъ** и др., а также в русских списках переводных памятников южнославянского происхождения: в севернорусской служебной Минее 1095 г.: **амбакомъ**, **амбакоумъ**, в Феодоровой Псалтири Чудовской XI в.: **амбакоумъ**, в книге прор. Да-

²³ Стр. 278—279.

²⁴ Стр. 279—282.

²⁵ Стр. 280. Мне не совсем понятны последние слова. Вполне ясно, что греческое $\mu\beta$ часто передается славянскими переводчиками через **мб** согласно живому греческому произношению, существовавшему еще в X—XI вв. и сохранившемся до сих пор. Поэтому несколько не странно и **месаврь** = *μεσεμβρία* (ср. стр. 281).

²⁶ Стр. 281.

²⁷ Напр., повесть об Акире, житие Феодора Студита, житие Андрея Юродивого, Иосиф Флавий и др.

²⁸ Напр., Паломники Даниила, Антония Новгородского и др.

²⁹ Ср. выше (об отсутствии русского влияния в Супрасльской рукописи).

ниила по очень архаичному, сохраняющему старое правописание Чудовскому списку XV в. (Симеоновск. ред.): **амбакоумъ** и др. В южнославянском переводе Хроники Георгия Амартола, известном исключительно по сербским спискам, встречается **амбона**. Думаю, что нетрудно найти и другие примеры написания **мв** не только в поздних, но и в ранних памятниках южнославянского происхождения.

Следующим русизмом акад. Истрин считает передачу в Хронике отчества на *-ичь*: *Александромъ Филиповичемъ, Ксу)сь Сираховичь* и т. п.³⁰ Однако он сам оговаривается, что тот же суффикс в форме *-иштъ* встречается и в болгарском переводе Хроники Малалы. Я бы добавил, что он очень распространен в сербском языке. Но, действительно, в такой форме, в какой он употребляется в Хронике Амартола, этот суффикс русский, т. к. в болгарских памятниках он является в виде *-иштъ*, а в сербских (поздних) — *-ичь*. Поэтому осторожнее было бы сказать: употребление суффикса *-ичь* скорее всего указывает на русский перевод, потому что в болгарском и сербском языках он употребляется в другой форме, которая, вероятно, была бы сохранена русским переписчиком при переписке с южнославянского оригинала.

Важным указанием на русского переводчика акад. Истрин признает глоссы³¹, т. е. объяснение тех или других слов другими словами. Глоссы в Хронике двух родов: 1) или рядом с неперевередённым греческим словом дается его перевод: **кюуѣра** (αἴλουρον) **рекше коуноуѣ**, **архисоунагога** **рекше старѣйшинѣ свороуѣ**, **Неаполѣи** **рекше новъ городъ** и т. п., 2) или дается двойной перевод: **уѣтца** (ἀναγνώστα) **рекше дыауца**, **прозѣбоша** (ἀνεφύησαν) **рекше родиша сѣ** и т. п. Слова 1-й категории по большей части или собственные имена, или термины, перевод которых передает только значение слова, но не его техническое употребление; таковы: *дьякон*, *дромонии* (вид лодки), *идолы*, *история* и пр. Слова второй категории дают рядом с точным переводом слова его пояснение. Исходя из того предположения, что переписчики Хроники вряд ли могли узнать греческие слова в их славянской транскрипции, акад. Истрин предполагает, что глоссы, по крайней мере бóльшая часть их, принадлежат самому переводчику³¹. Мне кажется это соображение само по себе не совсем убедительным: в первоначальном тексте перево-

³⁰ Стр. 282.

³¹ Стр. 283—289.

да греческие слова, конечно, были менее искажены, чем в дошедших до нас списках; узнавать греческие слова в славянской транскрипции русские люди могли, так как существовали пособия для изучения греческого языка, где греческие слова давались в славянской транскрипции³². Впрочем, независимо от этого соображения глоссы действительно скорее всего следует относить на долю самого переводчика, а не переписчиков. За русское происхождение глосс, а следовательно и перевода, по мнению акад. Истрина, говорят такие факты: 1. Глоссы вызывались «тем, что многие греческие слова, особенно технические, не были известны тем, для кого предназначались обе хроники (Амартола и Синкелла). На славянском же юге греческий язык был достаточно известен»³³. 2. Некоторые глоссы «вообще могут считаться русскими (т. е. не южнославянскими) словами»³⁴. 3. В глоссах к переведенным, т. е. уже славянским, словам глоссатор два раза ссылается на свой (**наш**) язык, очевидно противопоставляя его языку того славянского слова, которое поясняется глоссой³⁵. 4. В глоссах чаще, чем в других местах, является «русское правописание», т. е. написания, передающие русское произношение: **Новъ городъ, городець, перевозъ** и др.³⁶ Некоторые из этих доводов недостаточно убедительны: знание южными славянами греческого языка акад. Истрин несомненно преувеличивает; если даже южные славяне и были знакомы со многими встречающимися в Хронике греческими терминами, то первоначального значения соответствующих слов не как терминов могли и не знать; если в остальных глоссах переводчик не ссылается на «наш язык», то допустимо предположение, что глоссы с такой ссылкой принадлежат не переводчику, а переписчику; показательная сила «русского правописания» в глоссах та же, что и в других местах; скорее наоборот: если бы «русское правописание» встречалось только в глоссах, это дало бы повод заподозрить принадлежность их переводчику³⁷. Самым сильным

---

³² Ср. (впрочем, значительно позднее) «Рѣчь тонкословія греческаго» (изд. Max Vasmer, Russisch-byzantinisches Gesprächsbuch, Leipzig 1922).

³³ Стр. 288.

³⁴ Стр. 283.

³⁵ Стр. 283—284.

³⁶ Стр. 284.

³⁷ Самое указание акад. Истрина на то, что русизмы в глоссах гораздо чаще, чем в остальном тексте Хроники, страдает преувеличением. Он говорит, что «ру-

аргументом акад. Истрина является соображение, что глоссы даются к тем словам, которые могли быть непонятны читателю; непонятными для читателя могли быть только слова другого языка; следовательно, язык глосс и язык тех слов, к которым даются глоссы, разные; если второй из них южнославянский, то первый должен быть русский. В некоторых случаях, по-видимому, так и было, но в большей части случаев глоссы объясняются иначе: иногда они являются толкованием метафорического выражения, которое могло быть непонятно читателям не по незнанию языка, а по необычности метафоры: **апостоли прозвобоша рекше роднишася, теплѣйше рекше скорѣйше** и др.; в других случаях рядом с точным переводом какого-нибудь слова дается глосса, поясняющая, в каком смысле это слово употреблено в данном случае: **стына грома рекше проповѣдника**; иногда глоссы поясняют понятия, которые могли быть неизвестны читателю и независимо от незнания языка: **ръгѣ рекше морьскѣй свинни**.

Далее, как на русизм, допущенный переводчиком, акад. Истрин указывает на перевод слов **ἐκ γένους τῶν Φράγγων** от **рода варжеска соуцимъ**. Этот перевод, по его мнению, «указывает на переводчика рус-

---

сизмы встречаются именно в глоссах» потому, что «переводчик, следуя в изложении чужого текста обычному литературному правописанию ... в глоссах считал возможным (или, точнее, делал это бессознательно) следовать своему живому (русскому) произношению» (стр. 286). Однако это не так: в глоссах действительно дается несколько русских слов, но русские слова встречаются и помимо глосс, причем большая часть русских слов — не в глоссах (хотя процент русских слов в глоссах сравнительно с числом русских слов вне глосс довольно большой). Что касается правописания, то оно в глоссах — то же, что и в остальном тексте. Акад. Истрин ссылается на русское правописание **волканане** в глоссе, рядом с **влькоулице** не в глоссе. Но последнее (это место встречается только в поздних списках) — несомненная болгаризация, следование модному в XV в. правописанию; в более ранних списках и здесь должно было читаться **волко-**: в Троицком списке, написанном до Киприановской реформы, в подобных случаях везде пишутся сочетания **ол, ор, ер** между согласными, и такое правописание обычно во всех русских рукописях XIII в., как русского, так и южнославянского происхождения. Почему переписчики XV в. сохранили **ол** в глоссе, заменив это сочетание через **ль** в других случаях, — на это могут быть разные ответы, но сам переводчик тут ни при чем. Ссылка на русское правописание слов **солга, долгоживци, холмъ** именно в глоссах основана на каком-то недоразумении, потому что в Троицком списке на тех же страницах и в других словах то же правописание, а написания **ль, рь** поздних списков несомненно явились не раньше конца XIV в.

ского, которому из письменных и устных источников были известны сказания о походах русских князей на Царьград»³⁸. Но это чтение встречается только в поздних списках³⁹, представляющих и по мнению акад. Истрина позднюю русскую переделку, и притом в таком месте, которое как бы напрашивалось на такую переделку. Поэтому можно думать, что слово **варлжеска** явилось здесь под влиянием летописи.

Русскому же переводчику приписывает акад. Истрин и глоссы: **Скоуѣнию рекше козарты** и **от Скоуѣфана рекше козарн**⁴⁰. Оба места сохранены и в Троицком списке, и, очевидно, были в протографе Троицкого и остальных списков; но были ли эти места в первоначальном тексте перевода, остается неизвестным.

По поводу глоссы **въ Фессалоникин рекше в Селоуны** акад. Истрин предполагает, что южнославянскому переводчику вряд ли нужно было пояснять слово **Фессалоники**, «так как на Балканском полуострове, конечно, это знали»⁴¹. Не думаю, чтобы знали очень хорошо: вряд ли это знали не умевшие читать по-гречески, а таких, надо думать, было большинство. Сами греки называли город не Θεσσαλονίκη, а Σαλονίκη.

Принадлежащим русскому переводчику акад. Истрин считает и перевод имени Μουχούμειδ через **Бохмит**⁴². Несомненно, чтение **Бохмит** — русское. Но так ли читалось в первоначальном тексте перевода, сказать трудно, потому что это имя встречается только в поздних списках, относящихся ко 2-й редакции, а в Троицком списке отсутствует. Между тем в поздних списках довольно часто встречаются замены слов, читающихся в Троицком списке, их синонимами⁴³. Кроме того, из поздних списков в списке Пб, дающем иногда архаичные чтения, это имя из 7 случаев в 5 читается как **Моамедъ**.

Русскому же переводчику, по мнению акад. Истрина, принадлежит и передача греч. τὸ Στενὸν и τὸ Ἱερὸν словом **Судъ**⁴⁴. Хотя и это слово

---

³⁸ Стр. 289.

³⁹ В Троицком списке соответствующая часть Хроники не сохранилась.

⁴⁰ Стр. 290.

⁴¹ Стр. 290—291.

⁴² Стр. 291.

⁴³ Акад. Истрин приводит (стр. 325—327) всего 100 случаев такой замены.

⁴⁴ Стр. 291—293.

встречается только во 2-й редакции, но, действительно, трудно предположить, чтобы его мог вставить позднейший переписчик.

Имена Аскольда и Дира, встречающиеся только в одной группе поздних списков, по мнению акад. Истрина, могут быть поздней вставкой⁴⁵. Если бы можно было доказать принадлежность их первоначальному тексту перевода, то они служили бы сильным доводом в пользу русского переводчика.

К числу самых важных доказательств русского происхождения перевода Хроники акад. Истрин относит ее словоупотребление⁴⁶. Сопоставляя его с словоупотреблением других памятников, южнославянское или русское происхождение которых можно считать доказанным, акад. Истрин устанавливает, что в переводе Хроники встречается ряд слов, обычных в других переводных и оригинальных памятниках русского происхождения и неизвестных южнославянским памятникам. Таких слов он перечисляет всего 49⁴⁷; сюда надо прибавить еще 5 слов, которые он тоже считает русскими, но упоминает в других местах. При определении принадлежности того или другого слова русскому языку акад. Истрин руководится главным образом указаниями словарей Миклошича и Срезневского, лишь изредка обращаясь к некоторым памятникам, преимущественно русским, не использованным в этих словарях. Он признает недостаточность привлеченных им пособий для решения поставленного им вопроса, но, по-видимому, не стремится этот недостаток пополнить. Между тем недостаток материала из древнейших памятников в словарях Миклошича и Срезневского можно было до некоторой степени восполнить привлечением материала из словарей, сопровождающих издания некоторых отдельных памятников, а также из словарей отдельных славянских языков. Благодаря тому, что акад. Истрин этого не делает, в его список русских слов Хроники Георгия Амартола попали некоторые слова, обычные в нынешних южнославянских языках и, очевидно, существующие в них издавна. Таковы, например, слова: **волесть** или **волѣсть**⁴⁸, **дружина** (в

---

⁴⁵ Стр. 294—295.

⁴⁶ Стр. 295—306.

⁴⁷ Стр. 298—305.

⁴⁸ Первонач. **волесть**, но срб. *болест* (в экавских говорах) и *болѣст* вместо ожидаемого *болест* указывает на *ѣ* (под влиянием *болѣзьнъ?*).

значении — «воинская дружина»), **наговорити**, **неговорливъ** (ср. срб. *govorliv*), **недѣла** (в значении «седмица»), **хортница**, **вѣвѣ** (ср. в стар. срб. — «совет господ» в Дубровнике), **поплашитисѧ** (здесь сама неполногласная форма указывает на то, что это слово не русское). К русским словам отнесено также слово **вѣиль** (вельможа), хотя это слово и встречается в Супрасльской рукописи⁴⁹. Впрочем, и за вычетом этих слов, а также слов, русское происхождение которых не может быть доказано за недостаточностью материала, остаются слова, несомненно русские, которые можно относить на долю переводчика. Таковы слова: **окорокъ**, **холопъ**, **комоница**, **пѣще**, **поромъ**, **порозъ** (т. к. трудно предположить, чтобы переписчики заменили этими словами южнославянские *прамъ*, *празъ*), а также, должно быть, **корста**, **скѣди** и др. Может быть, сюда же следует прибавить и некоторые слова, не названные Истриным. Но из названных 54 слов третья часть (именно 18 слов) взята акад. Истриным из той части Хроники, которая сохранилась только в поздних списках, а именно, слова: **вѣньзти**, **грамотница**, **гридь**, **дружити**, **ловъ**, **мовьница**, **неговорливъ**, **обложити**, **окорокъ**, **оладь**, **орь**, **пристроити**, **скѣди**, **смолвитисѧ**, **сѣни**, **хортница**, **вѣно**. Если принять во внимание, что в той части Хроники, которая сохранилась в Троицком списке XIII в., поздние списки в 100 случаях заменяют слова, имеющиеся в Троицком списке, другими синонимическими словами (например, **тоскою** вм. **скорбью**, **округъ** вм. **около**, **азыка** вм. **гласа**, **лестъ** вм. **мечетъ**, **древле** вм. **преже**, **скотомъ** вм. **звѣрми**, **дѣти** вм. **чада**, **на обѣдѣ** вм. **на трапезѣ** и др.), то вопрос о принадлежности этих слов самому переводчику, а не редактору 2-й редакции, остается открытым.

Таким образом, из анализа словоупотребления Хроники выясняется, что слов, которые могут указывать на русскую национальность переводчика, ничтожное количество по сравнению с объемом всего словаря перевода, в котором акад. Истрин насчитывает 6800 слов⁵⁰. В то же время анализ, произведенный акад. Истриным, страдает односторонностью. Для более ясного представления о национальности переводчика следовало не только выделить те слова, которые можно считать русскими, но и выяснить, нет ли в Хронике таких слов, которые

⁴⁹ См. выше замечания по поводу мнения проф. Вондрака о русском влиянии на словарный состав Супрасльской рукописи.

⁵⁰ Стр. 227.

мало употребительны или вовсе не встречаются в памятниках, как русских, так и южнославянских, распространенных на Руси в XI—XII вв., и неизвестны позднему русскому языку, но встречаются в южнославянских памятниках, не распространенных на Руси, или известны южнославянским языкам. Если бы такие слова нашлись (а я думаю, что они найдутся), они свидетельствовали бы об участии в переводе Хроники южного славянина.

Из разбора доказательств акад. Истрина в пользу русского происхождения славянского перевода Хроники Георгия Амартола мы видим, что указаний на участие в этом переводе русского чрезвычайно мало, особенно если принять во внимание огромные размеры Хроники. Если предположить, что перевод сделан русским переводчиком в XI в. (а к более позднему времени мешают отнести перевод цитаты из него в русских памятниках, возникших во 2-й половине XI в.), то придется допустить совершенно исключительную для того времени начитанность переводчика в южнославянской письменности, выразившуюся в свободном пользовании не только грамматическими формами, не свойственными русскому языку, но и огромным запасом южнославянских слов, среди которых много незнакомых или почти незнакомых его грамотным русским современникам. В то же время те указания на русского переводчика, какие можно извлечь из изучения перевода Хроники, в некоторых случаях не допускают другого объяснения, как то, что в переводе (а не в позднейшей переработке) принимал участие русский. Ввиду этого мне представляется наиболее вероятным такое предположение, что русский переводчик работал над переводом Хроники в сотрудничестве с более опытными в этом деле переводчиками южными славянами. Если принять предположение акад. Истрина, что перевод Хроники Георгия Амартола входит в целую серию переводов, предпринятых великим князем Ярославом, то необходимо допустить, что этого нового и трудного дела русские переводчики одни, без помощи опытных руководителей, и не могли выполнить. Южные славяне, приглашенные для этой цели Ярославом, могли быть из разных частей Балканского полуострова.